

Солнце висело на небе, напоминая золотую тарелку. В летнее время ветра не было, слышно было только пение цикад.

Молодая служанка, одетая в короткую коричневую простую одежду, с расчёсанными и завязанными в два узла волосами, с очаровательным видом поддержала рукой другую девушку, вышедшую из кареты.

На вид той было около четырнадцати или пятнадцати лет, молодая девушка, которая только что расцвела в девичестве. И всё же она была одета в серое буддийское облачение, которое потеряло свой цвет от многих стирок. Одежда была широкой, отчего миниатюрная девушка казалась ещё более хрупкой, а её черные как смоль длинные волосы были наполовину стянуты деревянной шпилькой, в то время как оставшиеся на затылке распущенные небрежно рассыпались по плечам, напоминая водопад (1). Губы у неё были красные, зубы белые, а глаза совсем как у молодого оленя в лесу: добрые, чистые и тёплые, исключительно красивые.

На запястье у неё была нить чёток, а на ногах – самые простые серые матерчатые туфли. Её руки были сложены вместе, а глаза низко опущены. Длинные ресницы, белоснежная кожа, чернильно-чёрные волосы, на долю секунды люди, видевшие её, затаили дыхание.

Она была похожа на переродившуюся подёнку (2); красивая, хрупкая, но выглядела покорной, как будто не знала зловещего человеческого мира. Как девственная реинкарнация богини милосердия; чистая, простая, как белый лист бумаги.

На шестом месяце не было ни малейшего дуновения ветра, и всё же, как только девушка вышла из кареты, люди вокруг почувствовали прохладу и уют. Её черты лица не были тонкими и ослепительными, как у Цзян Юяо, но от природы изящными. Возможно, то, что она росла в храме глубоко в горах, породило её элегантность, без каких-либо желаний и требований. Она шла шаг за шагом, чистая, как вечерний ветерок.

Молодая служанка проводила девушку до дверей резиденции Цзян, затем девушка встала и смиренно объявила:

– Давно отсутствовавшая дочь Цзян приветствует отца и мать, – её голос был точно таким же, как и внешность, мягким и кротким.

Когда она произнесла эту фразу, окружающие простолюдины, казалось, моментально проснулись, каждый из них глупо смотрел на неё. Вдруг кто-то крикнул:

– Вторая Госпожа Цзян очень похожа на господина главного помощника, ах!

Ресницы Цзян Ли слегка дрожали, а уголок её рта слегка поджался, её поза стала ещё более послушной.

Цзян Юаньбай посмотрел на свою дочь со сложным выражением лица. За семь лет разлуки Цзян Ли сильно изменилась. Он с трудом узнавал свою бывшую свирепую и вспыльчивую дочь. Он всегда думал, что характер Цзян Ли напоминал характер Е Чжэнь Чжэнь, простой и грубый, когда дело касалось вопросов, где нужно было быть гибким. Более того, до последних мгновений не желавшей идти на уступки. Теперь, слушая слова простолюдинов, Цзян Юаньбай внезапно обнаружил, что внешность взрослой Цзян Ли похожа на него даже больше, чем Цзян Юяо.

Цзян Юяо унаследовала красивую внешность Цзи Шужань, нежную и изысканную, как фарфор. Но Цзян Ли имела образ цветущего дерева груши, которая выросла высоко в горах, благородный и чистый с выдающимся темпераментом. Очень похоже на академический стиль.

Даже если этот благообразный вид был всего лишь притворством.

Возможно, это было связано с внезапным появлением этой дочери, которую он не встречал в течение семи лет, что пробудило кровную связь Цзян Юаньбая. Или, возможно, это было связано с внешностью Цзян Ли, которая напоминала его самого, что заставило Цзян Юаньбая почувствовать некоторую близость с ней. Короче говоря, сердце Цзян Юаньбая смягчилось. Он протянул свою руку, поддержал согнутую талию Цзян Ли и тепло сказал:

- Это хорошо, что ты вернулась. Входи, твоя бабушка и остальные ждут внутри.

Когда Цзян Юаньбай заговорил, на мгновение Цзи Шужань, стоявшая рядом, напряглась. Затем она состроила ещё более искреннее лицо и сразу же прошла следом, взяв Цзян Ли за руку. Она сказала, улыбаясь:

- Наконец-то ты вернулась.

Цзян Юяо моргнула и вдруг сказала:

- Вторая сестра, ты возвращаешься домой, почему ты всё ещё носишь одежду монахини? Разве мама не разрешила Момо Сунь дать тебе новую одежду? Почему ты носишь этот грубый наряд? Если бы люди не знали, они бы подумали, что мать сурово обращается с тобой.

Вокруг было тихо, а Цзи Шужань воскликнула:

- Юяо, не говори глупостей! - затем она повернула голову, чтобы погладить Цзян Ли по руке и с улыбкой сказала. - Твоя мэймэй говорит прямо, но без злого умысла. Не принимай это близко к сердцу.

Простолюдины, стоявшие вокруг двери, ещё не разбежались, и они смотрели на Цзян Ли. Цзи Шужань успокоила её, преисполненная вины, в то время как Цзян Юяо скрыла свой довольный взгляд. Даже Цзян Юаньбай изменил своё выражение лица, глядя на неё. На данный момент

все присутствующие были в курсе происходящего.

Тц-тц-тц, какое великолепное выступление. Только что вернулась в Яньцзин и даже не переступила порог дома, но всё же увидела такую демонстрацию силы. Каким образом эти слова должны быть возвращены? Цзян Ли вернулась домой, очевидно, новая одежда была предоставлена, но она упрямо носила чёрную одежду монастыря. Что она имела в виду? Было ли это потому, что она была недовольна Цзи Шужань, поэтому отказалась носить одежду, приготовленную ею, или она намеренно сделала это, чтобы простолюдины увидели, как плохо с ней обращаются в резиденции главного помощника? Казалось, что в глазах Цзян Юаньбая это поведение Цзян Ли показало негодование по отношению к дому Цзян. Совсем не сохранив свое название.

Цзян Ли скромно улыбнулась, её глаза были ещё яснее, чем у Цзи Шужань, и она ответила:

- Я получила благое намерение матери Цзян Ли. Момо Сунь прислала одежду, и она была сделана из первоклассного шелка, вышивка была сложной, но всё же на ней были инкрустированы драгоценные камни, что делало людей счастливыми при взгляде на них.

---

1. Причёска примерно такая:

2. Подёнки - древний отряд насекомых, которые живут лишь один день.

<http://tl.rulate.ru/book/25475/771780>